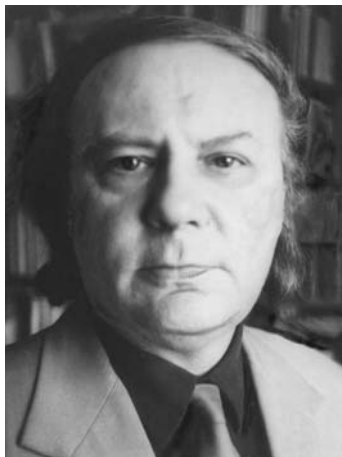

ЮРИЙ ПАРКАЕВ

У ПАМЯТИ В ПЛЕНУ

Я БОЮСЬ

*Боюсь, что будущее русской
литературы — это её прошлое.*

Евгений Замятин

Боюсь, писатель оказался прав:
Он понял, дань прошедшему воздав,
Что мы застряли в веке суматошном,
Что как бы мы ни двигались вперёд,
Нам не дано дойти до тех высот,
Где мы парили в веке позапрошлом.

Не воскресить былые времена.
Но вихри дней не стёрли имена
Тех, кем досель горда литература.
Тем паче грустно, подводя черту,
Увидеть, как теряет высоту
Великая российская культура.

Как много понаписано дерьма!
Неужто поиссякли закрома
Духовных сил и мудрости народа,
И вместо полновесного стиха
Летит, свистя, словесная труха
В антимире, откуда нет исхода?!

ПАРКАЕВ Юрий Александрович родился 12 февраля 1941 года. Первые стихи опубликовал в 1956 году. Служил на Северном флоте. Учился в МГУ на факультете журналистики. Автор стихотворных сборников “Испытание”, “Дозор”, “Гора-городина”, “В чистом поле России”, “Ветер перемен”, “Чудеса не любят повторяться” и исторического романа “Никакая Родина другая”. Живёт в Москве.

Век золотой мелькнул, как чудный сон,
И перетёк в серебряный. И он
Не канул, слава Богу, в неизвестность:
Пока был Пушкин во главе угла,
В его лучах по-прежнему цвела
Могучего Отечества словесность.

Век бронзовый, нагрянувший потом,
Хоть и грустил о веке золотом,
Знал, что таким не стать ему вовеки.
Недолги были эти времена,
Но и они дарили имена,
И, как ручьи, они впадали в реки.

За бронзовым грядёт железный век.
Куда спешешь ты, новый человек,
О чём пророчишь голосом истощным?!
Ты по земле три века шёл вперёд,
А не сумел дойти до тех высот,
До тех вершин, что остаются в прошлом.

КРАСНЫЙ МАРШАЛ

Красный маршал. Слуга народа.
Взгляд орлиный, соболя бровь.
Лейб-гвардейская статья, порода.
Голубая, как небо, кровь.

Он играет на старой скрипке
По ночам при свечном огне,
И спуют, как виденья зыбки,
Тени прошлого на стене.

Плачет скрипка в руках солдата —
Словно в плоти её живой
Стон расстрелянного Кронштадта
И тамбовских крестьянок вой.

Знает маршал, какого цвета
Кровь у контры в его стране:
Для него — барчука, эстета —
Смысл жизни в борьбе, войне.

И о чём он страдает скрытно,
Зажигая в ночи свечу,
Знает разве что только скрипка,
Что приникла к его плечу.

Сквозь её неземные звуки
Из потёмок — в висок, в упор
Голос, полный тоски и муки, —
Бесконечный живой укор.

Но за кровь на снегу Кронштадта
И за вопли тамбовских вдов,
За свою правоту солдата
Он пред Богом предстать готов.

...Ночь ухлюписта, как трясина,
И угрюма, как ночь, страна...
— Ты долина моя, осина...
А могила и впрямь темна...

Он не знает, что спозаранку,
В отведённый судьбою срок
Отвезёт его на Лубянку
Чёрный сталинский “воронок”.

И когда беспробудный грешник,
Свежей выпечки капитан,
Звездолобый энкавэдэшник
Сунет в зубы ему наган,

Он гвардейскую позолоту
Сплюнет с кровью на ордена,
И заплатит судьбе по счёту —
Наивысшему.
И сполна.

* * *

Я тебя не забыл, но другая
Снится мне с неких пор по ночам,
И струится сирень голубая
По её светоносным плечам.

Лишь пройдёт — и весной повеет,
Только глянет — и сердце замрёт;
Улыбнётся — как солнцем согреет,
Слово молвит — как песню споёт.

Я такой королевы не стою.
Вот она проплывает, светясь...
Но и всё же меж ней и тобою
Существует незримая связь,

Воедино сливаются лица,
И я знаю, грустя и любя,
Что ОНА — никогда не приснится,
Если я позабуду тебя.

БЫЛО ВРЕМЯ

Было время: пели соловьи,
И цвела сирень по всей округе,
И стихи слагались о любви,
И дарились ландыши подруге.

И когда с гармошкой ввечеру
Я шагал с весёлою оравой,
Как упругий парус на ветру,
Развевался чубчик кучерявый...

...Минули немалые года,
Пронеслись, как тройка удалая,
И таким, каким я был тогда,
Уж не буду больше никогда я.

Но с оглядкой в давнюю весну,
Собирая прошлое по крохам,
Я, живя у памяти в плену,
— Было время! — говорю со вздохом.

Было время: пелось о любви.
И дарились ландыши подружке,
И всю гремели соловьи...
А теперь не слышно и кукушки...

КОЛОБОК

Жили-были старик со старухой,
В стороне отдалённой лесной,
В деревеньке стоглазой, стоухой,
Работящей, румяной, резной.

Ничего у небес не просили,
Ибо верили в силу земли:
Жито сеяли, сено косили.
Скот держали — хозяйство вели.

Всё бы ладно, да не было деток,
А хотелось сынка или дочь.
Дед прикидывал так и эдак —
Лишь бы этому горю помочь.

Что поделать!
Не та уже сила...
И тогда, изругав старика,
Бабка тесто в квашне замесила
И сама сотворила сынка.

Чудеса!
Не прошло и недели,
Как на хлопца, что рос не шутя,
Ученический ранец надели
И отправили в школу дитя.

Бабка с дедом землю пахали,
Голодали, считая рубли,
А сынок веселился на бале,
А сынок обмывал “Жигули”.

Эта сказка нам с детства знакома,
Каждый знает её назубок:
Без печали из отчего дома
Укатил молодой колобок.

Он уверен: горбами оплатят
Старики всего его векселя...
Не с того ли так весело катят
Колобки, по дорогам пыли?..

